

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

О.П. Зубец

Об этическом смысле понятия ἀρχή

Зубец Ольга Прокофьевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgazubets@mail.ru

В содержании понятия ἀρχή чаще всего доминирует онто-гносеологическое содержание, что приводит к размыванию его понятийного статуса в этике, в частности – при прочтении этических произведений Аристотеля. Это понятие можно считать фундаментальным для зарождающейся этики: оно лежит в основе этического понимания поступка и особой направленности философско-этического взгляда на мир. Задача этой статьи – не историко-философский анализ термина, но обращение к ἀρχή как фундаментальному этическому понятию. Понятие ἀρχή сформировалось изначально в связи с поиском самого себя, возможности поступать от своего имени, то есть оборвав цепь причин и следствий и помыв мир как полноту и единое изнутри него самого. Аристотель определяет поступок как совершаемый тем, кто решает сознательно и ради самого поступка, так что ἀρχή поступка возведено к человеку с такой полнотой, что о поступающем человеке нельзя сказать ничего больше того, что он есть ἀρχή поступка: имманентность цели и человеческое бытие в поступке в качестве ἀρχή задает пространство морали вне причинно-следственных связей и логики. Человек как начало поступка находится в господствующем, властно-ответственном отношении к миру в его полноте и цельности. Это одно из первых основополагающих открытий этики, задаваемых философским взглядом изнутри поступка.

Ключевые слова: ἀρχή, этика, философия, поступок, человек, Аристотель, «Никомахова этика», причина, цель, полнота мира

История философских понятий имеет ту особенность, что если даже какое-либо из них погружается в долгую спячку, то его пробуждение не требует особых усилий и напоминает возвращение движения и самоощущения затекшей конечности, что позволяет дотянуться ею до новой или старой, но отставленной в сторону идеи или проблемы. Так, XX в. благодаря, в первую очередь,

Хайдеггеру, вернул к жизни понятие ἀρχή (начала). Его содержание обычно видится как основополагающее для зарождавшихся метафизики и эпистемологии, которые впоследствии заменили его на другие: собственно, многие понятия были перерождением понятия «начало», ибо сама философия оставалась и остается попыткой и стремлением помыслить его.

В качестве слова обыденного языка ἀρχή употребляется, начиная с Гомера, в трех основных смыслах: «1) отправная точка, начало чего-либо в пространственном или временном смысле; 2) начало как зачин, причина чего-либо; 3) начало как начальство, власть, главенство»¹. По-видимому, Анаксимандр, если следовать словам Симпликия, «первый назвал началом то, что лежит в основе», и задал ἀρχή как философское понятие. Тем не менее считается, что оно становится полноценным философским понятием лишь у Платона и Аристотеля²: при этом речь идет почти исключительно о его онто-гносеологическом содержании. В то же время в «Метафизике» неудовлетворительность понимания начала как воды или земли или подобного Аристотель объясняет тем, что они не могут быть причинами того, «что одни вещи бывают, а другие становятся хорошими и прекрасными» (Met. 984b 10)³.

Сохранившееся до наших дней смысловое доминирование онто-гносеологического понимания заметно влияет как на перевод классических текстов, так и на теоретическое рассмотрение проблем. Первое можно проиллюстрировать, например, тем, что в предметном указателе к изданию этических произведений Аристотеля, в котором, конечно, есть понятие начала (ἀρχή), даже не указаны *основные* высказывания Аристотеля, наиболее значимые для того, кто готов рассмотреть ἀρχή как этическое понятие (EN 1111a 23; 1112b 28, 32; 1113a 6; 1113b 20; 1139b 6), но, видимо, оно рассматривается как слово повседневного языка, а не философское понятие, что влияет и на перевод. Учитывая, что в целом в учении Аристотеля оно занимает важное место, стоит отдать приоритет пониманию ἀρχή как *понятию* и в этических произведениях Аристотеля. Если не лишать при переводе слово ἀρχή его понятийного статуса во всех случаях, где это возможно, если намеренно отдать приоритет именно такому, философско-концептуальному его прочтению, то его исключительное место становится очевидным. Второе указанное нами следствие доминирования онто-гносеологического понимания ἀρχή проявляет себя, когда философы, рассуждающие о начале поступка, обращаются в первую очередь к работе Аристотеля «О душе», а не к «Никомаховой этике»⁴.

¹ Лебедев А.В. Архэ // Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 185.

² Существуют различные точки зрения на терминологизацию «архэ». Так, А.В. Лебедев считает, что терминологизация произошла лишь в Академии, у Платона: у него «архэ» употребляется в значении онтологического принципа («Начало есть нечто невозникшее; в самом деле, все возникающее по необходимости должно возникать из некоего начала...». Федр 245) и гносеологического принципа (единого принципа бытия и познания) в «Государстве» как «беспредпосылочного начала» (Лебедев А.В. Архэ).

³ «Метафизика» Аристотеля цит. по след. изд.: Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1976.

⁴ Об этом см.: Holt L. Aristotle on the Αρχή of Practical Reasoning: Countering the Influence of Sub-Humanism // The Society for Ancient Greek Philosophy Newsletter. 1995. Issue 194. URL: <https://orb.binghamton.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1193&context=sagp> (дата обращения: 16.02.2019).

Задача этой статьи – не историко-философский анализ термина, но обращение к ἀρχή как фундаментальному этическому понятию. Оно понимается как этическое в полном смысле слова, то есть, во-первых, как возникшее в попытке дать ответ на этический вопрос; во-вторых, как вписанное в понятийный ряд этики, причем с необходимостью, в том смысле, что без него философская этика, как она зародилась в античности, невозможна, что без него невозможно понимание морали – а именно морального поступка и субъекта морали; и, в-третьих, в том смысле, что содержание этого понятия задается этически. Рассмотрим же понятие ἀρχή в единстве этих моментов.

Аристотель неоднократно замечает, что начало теоретического рассмотрения во многом определяет его дальнейшее развертывание, это скорее всего можно сказать и о всей философии, в том числе и этике: именно в ее исходных тестах, к которым в первую очередь принадлежит «Никомахова этика», заложены начала философско-этического мышления. Важнейшим из них является схватывание идеи человека как ἀρχή поступка и мира. Важно, что само возникновение в философии идеи-темы-интуиции, а затем и понятия ἀρχή, задолго до того, как Аристотель описал и зафиксировал его этим словом на все последующие времена, можно понять как ответ на этически напряженные вопросы, в частности – на вопрос о месте человека в мире детерминации, всеобщей причинности, о возможности его бытия как *самого себя*, то есть не того, кто причинен другим и другими, кто способен предпочесть свое в себе. Ведущий к идее ἀρχή вопрос можно было бы сформулировать так: как человеку уподобиться герою в его способности совершать поступки, носящие его имя?⁵ Или иначе: как возможно *самое себя* человека, то есть в каком пространстве, как можно помыслить человека не задаваемым внешними причинами, где он может быть самым собой, а не чем-то или кем-то иным? Где, в чем он не причинен ничем иным, кроме самого себя? В своем содержании – это подлинно этический вопрос. Вырваться из этого мира в пространстве мышления возможно, лишь помыслив мир как полноту, завершенность, самодостаточность, которые исключают и причинность, и направленное вовне целеполагание. Стремление помыслить полноту включает необходимость помыслить и себя в этой полноте – иначе, если мир мыслится извне неким «умным» наблюдателем, он очевидно не является полным. То есть полноту мира можно помыслить только изнутри него, поместив себя в его центр, сделав его своим, или, точнее, собой. В ответе именно на это стремление зарождается понятие ἀρχή, пронизанное желанием познать-узнать-задать *самого себя*. Оно схватывает не часть чего-то иного, не внешний порождающий и детерминирующий источник, но само бытие в его полноте, беспричинности и бесцельности. Это понятие невозможно вывести в рамках естественно-научного взгляда на мир, ориентированного на выявление причинно-следственных связей. Ф. Ницше говорит: в идее воды как первоначала, «хотя и в зачаточном состоянии, заключена мысль: “все – едино”»,

⁵ Один из ответов дан А.А. Гусейновым в идее двойной мотивации поступков героев, заложеной в их полу-божественной и полу-человеческой природе (См.: Гусейнов А.А. Античная этика. М., 2011. С. 12). В дальнейшем у Аристотеля полу-божественная природа обнаружится в виде человеческого разума.

и в силу этого Фалес становится первым философом. «Если бы он сказал: из воды происходит земля, мы имели бы научную гипотезу, ложную, но все же трудно опровержимую. Но он вышел за пределы научного. ... Скучные и беспорядочные наблюдения эмпирического характера, произведенные Фалесом над состоянием и изменениями воды, или, точнее, влаги, менее всего могли дозволить такое радикальное обобщение – не говоря уже о том, чтоб навести на него; к этому побуждал метафизический догмат, возникающий из мистической интуиции, – догмат, с которым мы встречаемся во всех философиях, включая сюда постоянно возобновляемые попытки выразить его лучше – положение “все – едино”»⁶. Идеи мира как воды, огня, логоса и апейрона возникают не (не столько) из чисто познавательного стремления: оно не заинтересовано и не способно обнаружить такое начало, так как не может помыслить мир в его полноте – это особое философское дело.

Попытки помыслить и мир детерминации и его ничем не детерминированную исходную точку или оборвать пугающую и немислимую уходящую в бесконечность цепь последствий *собственного* ведут к понятию первопричины, недвижимого двигателя, к закольцовыванию движения мира, позволяющему представить его всепроникающую и ничем не детерминированную основу, к идее высшего блага как цели целей, не становящейся средством. Но невозможно одновременно последовательно помыслить мир детерминации и его ничем не детерминированную исходную точку или предел: все эти идеи и понятия таят в себе обрыв причинно-следственной цепи, отказ от логики детерминации. Этот обрыв-выпадение принимает самые разные формы, схватываемые не рассудком (рассудительностью), но умом: к ним относится и «последняя данность» Аристотеля – поступок. Понятие поступка, соотношенное с идеей полноты, единственности, единства, исключает причинные основания и опирается на идею ἀρχή.

Помыслить поступок как бытие человека самим собой доступно только философии: она не полагает мир как внешнее и познаваемое извне ученым-наблюдателем, нет, она есть мышление того, кто видит мир изнутри. Этот взгляд изнутри обладает исключительной способностью помыслить мир как целое, как полноту бытия и как своё. Взгляд извне исключает себя, видит лишь неполноту, расколотовость и детерминированность. Это невероятное открытие особой философской оптики есть одновременно и открытие способа помыслить этическое, не потерять субъекта, *самое себя* человека: сердцевину этического – поступок (если, по выражению М. Нуссбаум, аристотелевская этика есть «попытка разъяснить понятия, задействованные в объяснении поступка»⁷ – в таком случае ἀρχή оказывается важнейшим этическим понятием) – невозможно увидеть и помыслить снаружи, с точки зрения внешнего наблюдателя, ученого или обывателя, поступок (как явление морали) виден лишь изнутри, в оптике поступающего. И то, каким он видится, неслучайно для своего описания нуждается в тех определениях, которые известны в связи с идеей

⁶ Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху Греции // Своеволие философии / Сост. О.П. Зубец. М., 2019. С. 191–192.

⁷ Цит. по: Bechler Z. Aristotle's Theory of Actuality. New York, 1995. P. 198.

апейрона: он безграничен, беспределен, бесконечен, самодостаточен и «все объемлет и всем управляет». Начальные философы мыслят «все-едино» через все-проникновение единого и единственного начала, которое не есть пассивное вещество, но активное начало, предельно активное, обладающее властью («властный исток, то есть свое “начало”»; «властно пронизывающее собою все сущее»; «властно проникая», «свободное начинание есть само начало (der Anfang): начало истонного бытия как бытия (das Sein)»⁸). Именно как *свободное властное начинание*, как решимость быть это ἀρχή несет в себе этическую идею, позволяющую помыслить поступок.

Перечислив основные идеи о начале «первых философов» (и не упомянув Анаксимандра), Аристотель сравнивает их с необученными воинами, которые, поворачиваясь во все стороны, иногда наносят хорошие удары: они не знают, что говорят, так как «совершенно очевидно, что они почти совсем не прибегают к своим началам, разве что в малой степени» (Met. 985a 15). Сам он в «Никомаховой этике» и других «Этиках» *прибегает* к понятию ἀρχή не только многократно, но определенно как к такому, без которого невозможно рассматривать этическое.

В качестве философского понятия ἀρχή переводится на русский в предметном указателе к «Никомаховой этике» как «начало, принцип, первооснова, внутренняя основа», о начале поступков упоминается лишь в конце перечисления и дается указание всего лишь на два периферийных фрагмента⁹. Там, где речь идет о важнейших этических идеях, ἀρχή переводится на русский по-разному (например, и как начало, и как источник), что размывает его понятийный статус. С тем же мы встречаемся в переводе М. Оствальда, который переводит ἀρχή то как *source of actions* (EN 1112b 32, EN 1113b 15), то как *initiative of action* (EN 1113a 6), то как *starting points* (EN 1113b 20) (причем, решая стилистические задачи, он по-разному переводит ἀρχή в следующих друг за другом предложениях, что, видимо, свидетельствует о том, что он не выделяет его как содержательно-определенное понятие). Тогда как Д. Росс во всех трех указанных местах переводит ἀρχή как *moving principle*, Г. Рэкхэм так же во всех случаях использует слово *origin*. И Ф. Дирлмайер сохраняет единство перевода понятия – у него это *bewegendes Prinzip*.

Выразив сожаление о том, что во многих переводах понятийный статус ἀρχή оказывается затушеванным, для его сохранения вернем в цитаты Аристотеля само греческое слово. Главное содержание и роль этого понятия – в задании пространства морали как отменяющего причинность и основанного на начальности поступающего (в современном варианте – на субъектности).

Начало не есть причина. Понятия ἀρχή и αἰτία соседствуют в текстах Аристотеля, но их отношения достаточно сложны: в этике это близость и взаимопереплетение, когда под αἰτία понимается вина, ответственность, и это взаимоприращение, если речь идет о причине, о каузальности. Расцепление *arche*

⁸ Хайдеггер М. Гераклит. СПб., 2011. С. 237.

⁹ Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 806.

и *aitia* – одна из важных тем М. Хайдеггера и ряда немецких философов¹⁰. Отличие начала от причины невозможно понять, оставаясь в логике причинности, то есть рассматривая его как особую, но причину. Сама идея ничем не причиненной причины есть, в первую очередь, способ сказать об обрыве причинно-следственной паутины, о существовании непричиненного. Вопрос, как стать добродетельным – конституирующий вопрос этики, – ставится Аристотелем не как вопрос о причинах, но как вопрос о началах: «Не следует также для всего одинаково доискиваться причины» (EN 1098b 1) – «достаточно правильно указать», что нечто имеет место, что дано – это *первое и начало*. Умственное усмотрение самого себя в поисках оснований бытия добродетельным упирается в абсолютный предел себя как начала, за которым ничего не может быть, так как иначе вопрос о бытии добродетельным и человеком утрачивает смысл и становится вопросом о жизни с точки зрения питания, роста или чувства (см.: EN 1098a 1–5). На вопрос «почему ты поступил так? – отвечают: потому что нельзя было иначе, или: потому что так лучше. Исходя из самих обстоятельств, выбирают то, что кажется лучшим, и ради лучшего» (MM 1189b 15–17)¹¹ – то есть этот вопрос «почему?» неуместен и бессмыслен в этике: я поступаю морально потому, что избираю лучшее, то есть потому, что стремлюсь поступить морально и никак иначе я не могу поступать. В поиске оснований добродетельного поступка этическое мышление упирается в самого добродетельного человека как первоначало: добродетельный поступок есть поступок добродетельного человека, того, кто совершает добродетельные поступки, а этическое мышление есть его собственное мышление о том, как стать добродетельным: оно принципиально субъектно-субъективно. Вопрос «как стать добродетельным?» задается самим мыслителем о самом себе, он не может быть задан извне, так как тогда неизбежно становится вопросом о причинах *самого меня*: для философской этики подобный взгляд оскорбительно-разрушителен.

Исходное и фундаментальное отношение меня и моего поступка в этическом рассмотрении Аристотеля не является отношением причины и следствия, но есть отношения взаимно ссылающегося друг на друга тождества или бытийной неразличимости самого себя и поступка как способа бытия. Отношение меня и моего поступка наиболее точно выражает понятие начала: начало поступка возведено к руководящей части моей души (то есть ко мне как человеку, сознательному и волевому существу), и я существую как человек именно в качестве начала поступка. Меня как начала нет в эмпирически данном действии, мысли, слове или чувстве, но лишь в них как поступке, который и есть полнота и актуальная завершенность мира. В этике Аристотель обрывает причинную цепь в двух местах: с одной стороны – это идея блага, цели целей, никогда не становящейся средством, абсолютная цель и абсолютная целевая причина (потребность разума обозначить цель оказывается дурной, если не упирается

¹⁰ Об этом см.: Pizer J. *Toward of Radical Origin: Essays on Modern German Thought*. Lincoln, 1995.

¹¹ «Большая этика» цитируется по изданию: *Аристотель*. Большая этика / Пер. с древнегреч. Т.А. Миллер // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 295–374.

в цель целей, то есть в ничтожение каузальности), с другой стороны – это «последняя данность» поступка, его окончательность, завершенность. Поступок (πρᾶξις) определен Аристотелем как совершаемый сознательно выбирающим этот поступок ради него самого: он в отличие от творения-результата (ποίησις), дела (ἔργον) содержит свою цель в себе. Не только он сам не есть средство, но его нельзя помыслить как цель для некоторого средства или как следствие некоторой причины. Последнее можно прояснить, если серьезно отнестись к утверждению, что само сознательное решение (προσίρεσις) не есть интеллектуальный акт выбора, имеющий сначала форму знания, но дано только и исключительно в самом поступке; отношение между моральным субъектом и поступком не причинно-следственное и не целе-средственное: ему Аристотель находит лишь одно название – ἀρχή.

Этика не задается и не может задаваться вопросами о причинах, так как такой вопрос перекрывает возможность помыслить морального субъекта и моральный поступок. Разумный характер человеческих действий оказывается совершенно иным в самодостаточном поступке, благополучение в котором достигается в полноте в акте самого поступка, не растворяется и не релятивизируется ни в бесконечной цепи предшествующих детерминант, ни в бесконечной цепи следствий и результатов. Это разумность практического разума, а не научного, не теоретического. Аристотель многократно повторяет: поступок избирается ради него самого (а не ради результата) – он никогда не есть средство или причина, он абсолютно окончателен и этим отменяет детерминированность мира и соответствующую ей логику.

Превосходство добродетельного человека в поступке¹² резонирует с превосходством самой деятельности как действительности: «нет какого-либо другого дела, помимо самой деятельности, эта деятельность находится в том, что действует» (Met. 1050a 35); «действительность перее возможности» (Met. 1050b 5): Аристотель был первым, для кого, по выражению Хайдеггера, «быть подвижным обсуждается как вопрос и понятие об основном образе бытия»¹³. Этика (в ее тождестве с политикой) отвечает на вопрос о бытии человека, то есть о специфической человеческой подвижности, отличающей его от пасущего стада коров (которое также есть сообщество живых существ), и находит ее в поступке. «Ни про неодушевленные, ни про одушевленные существа, кроме человека, мы не говорим, что они действуют (поступают – *Ο.З.*) (prattein), а [говорим так] только о человеке. Ясно, что человек – сила, порождающая действия (поступки – *Ο.З.*)» (MM 1187b 9). Более того, в этике Аристотель отдает предпочтение не ἔξις, устойчивому нраву (или состоянию), но именно поступку, подобно тому, как он отдает предпочтение действительности перед возможностью. В «Эвдемовой этике» он говорит: «Деятельность (ἐνέργεια) лучше расположения (διάθεσις здесь синонимично ἔξις)» (EE 1219a 32)¹⁴ –

¹² О превосходстве в поступке см.: Зубец О.П. Что презирает и что превосходит добродетельный человек // *Этич. мысль / Ethical Thought*. 2016. Т. 16. № 2. С. 34–50.

¹³ Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις Аристотель, «Физика», В 1. URL: http://www.heidegger.ru/documents/tom9/o_suschestve_poniatia.doc (дата обращения: 16.02.2019).

¹⁴ «Эвдемова этика» цитируется по изданию: *Аристотель. Эвдемова этика* / Пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солоповой; изд. подг. М.А. Солопова. М., 2011.

апеллируя к этому фрагменту, З. Бехлер утверждает, что это и есть та онтология, на которой построена аристотелевская этика¹⁵. Поступок-энергия есть только такое движение, которому присуща имманентность цели, действие становится завершенным в себе и самозамкнутым движением, которое есть бытие действующего в действии. Результат, в котором локализована цель (что характеризует творение), есть следствие некоторого действия как причины, тогда как имманентность цели поступку соотносит его с началом, а не причиной.

Важна полная обратимость сформулированного Аристотелем тождества: «Начало поступка есть человек» и «Человек есть начало поступка». Ее нет в рассуждении о творении: источник его результата – в человеке как обладающем неким τέχνη, но сам он не есть это начало, это знание и умение. Творящий скульптуру есть ее начало в качестве скульптора, а не человека, он творит как скульптор в той мере, в какой воспроизводит некие принципы этой деятельности, точно так же, как геометр-землемер воспроизводит геометрические представления о треугольнике. Вот таких первых принципов, таких начал лишен поступок («Установленных правил нет в поступках и действиях...») (ММ 1189b 25)) – его единственным началом является решающий-ся поступить.

Человеческая активность (подобно животной активности) может быть вызвана неполнотой, несамодостаточностью, нехваткой: я должен восполнить то, чего мне не хватает¹⁶. К такого рода ситуации применим вопрос «для чего?». Она сама воплощает такую связь человека с миром, когда он своей активностью восполняет некую нехватку в себе самом, во внешних условиях своего существования, полагая цель вовне. Поступок воплощает предельность самодостаточного бытия: он не может определяться полаганием внешней цели, желанием результата.

Впрочем, попытка локализовать начало, по-видимому, обречена на неудачу в силу того, что само пространство человеческого бытия изначально задается им: ἄρχή выстраивает его как абсолютную асимметрию, этого пространства нет вне и помимо начала. Поэтому слова Ж. Деррида о центре, «который находится как внутри, так и снаружи» и принимает с одинаковым правом «имена начала (arche) и конечной цели (telos)»¹⁷, заставляют задуматься – что делать, если не только начало, но и сама цель имманентна и это означает ничтожность самого понятия цели: она не дана до и вне акта поступка, не дана в виде знания; ее можно помыслить настолько, насколько можно вообще помыслить целеполагание вне времени и пространства.

К желанию как источнику и причине человеческих действий обращаются такие известные авторы, как Элизабет Энском и Марта Нуссбаум¹⁸. Утверждение, что практический разум начинается с желания (то, что Л. Холт называет суб-юмизмом), порождает вопрос – почему цепь причинности оборвана именно

¹⁵ *Bechler Z. Aristotle's Theory of Actuality. New York, 1995. P. 199.* Это утверждение – основа «actualistic ethics».

¹⁶ См.: *Holt L. Aristotle on the Αρχή of Practical Reasoning. P. 9.*

¹⁷ *Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 353.*

¹⁸ В указанной статье Л. Холта дана критика этого подхода.

здесь, в этой точке? Почему исследователь не идет дальше (назад) и не говорит о том, с чего начинается это желание, что определяет его? Оставаясь верным этому пути, он обязательно перейдет к человеку в его животной, затем физической, химической, механической природе, возможно, найдя здесь место и социальности. Почему он останавливается на желании, а не в другом месте? Это определяется лишь профессиональной принадлежностью исследователя, и его всегда тянет далее: так, этик пытается стать психологом, физиологом, этологом, социологом и т. п., радуясь удлинению своего пути. Но философ, который ставит важнейший вопрос о самом себе, о бытии самого себя и мира, делает решительный и решающий шаг из пространства детерминизма, от вопроса «почему?», от познания к мышлению начала, бытия, полноты, самодостаточности. Философ мыслит бытие в его полноте, поэтому поступок не может начинаться с чего-то, но все есть в нем, в том числе сознательное решение (προαίρεσις), поступок не может переходить во что-то отдельное (результат), но охватывает собой все, есть способ бытия в качестве человека. Ему ничто не предшествует и ничто не следует за ним: только так человек принадлежит самому себе, а не попадает в рабство уходящих в бесконечность последствий своих действий (а эта проблема терзает античного человека). Если «намерение и воля (желание – О.З.) меняются добровольно» (ММ 1187b 19) – то они не есть начало, они «от нас зависят».

Т. Ирвин пишет: «Как мы видели, аристотелевский поиск начала поступка ведет его по ту сторону действительной каузальной последовательности к складу и характеру деятеля»¹⁹. Н если речь идет о ἔξις, о нраве, то он не есть некое эмпирическое качество, хранящееся вне поступка, но относится к нему как возможность к действительности, то есть находится по ту сторону каузальности. Дж. Моравчик предлагает понимать и четыре аристотелевских αἰτία не как причины: речь в них идет не о каузальности, а о понимании (understanding) – понимание основано на вопросе «почему?» не в строго каузальном смысле, он спрашивает, что или кто ответственен за существование того или иного явления²⁰. И в этом смысле начало тоже является αἰτία, причем в некотором предельном смысле, так как соотносится с полнотой и ответственно за весь мир.

Человек – ἀρχή поступка. Понятие ἀρχή организует ряд аристотелевских суждений в единое идейное пространство, приведем основные:

Важнейшим можно считать: «ἄνθρωπος εἶναι ἀρχή τῶν πράξεων» – «...человек – это, конечно, ἀρχή поступков...» (EN 1112b 32).

«...произвольное... то, ἀρχή чего – в самом деятеле...» (EN 1111a 23).

«...всякий тогда прекращает поиски того, как ему поступить, когда возвел τὴν ἀρχήν [поступка] к себе самому, а в себе самом – к ведущей части души, ибо она и совершает сознательный выбор» (EN 1113a 6).

«...мы не можем возводить наши поступки к другим ἀρχής, кроме тех, что в нас самих...» (EN 1113b 20).

¹⁹ Irwin T. Aristotle's First Principles. New York, 1988. P. 344.

²⁰ Moravcsik J.M. Aitia as generative factor in Aristotle's philosophy // Dialogue. 1985. Vol. 14. Issue 4. P. 623.

«...свершение поступка – [цель безотносительная], а именно: благополучение в поступке само есть цель, стремление же направлено к цели. Именно поэтому сознательный выбор – это стремящийся ум..., или же осмысленное стремление, а именно такое ἀρχή есть человек» (EN 1139b 1–5).

Человек, по определению Аристотеля, есть ряд тождеств: ἀρχή – про-αίρεσις (сознательный выбор, решение) – стремящийся ум (осмысленное стремление) – поступок. Ни суждение о правильности некоторого действия, ни чувственное влечение к некоторой цели недостаточны для поступка: между ними и поступком Аристотель помещает проαίρεσις как движущее начало (см.: EN 1139a 32): будучи таковым человек решается на бытие и распоряжение им. «Возведение начала к себе самому» есть бытие царем, властителем, принимающим решение. Хайдеггер переводит ἀρχή «через исходное распоряжение или распорядительный исход»²¹.

Человек бытийствует в поступке, то есть самодостаточен, как самодостаточен и поступок, и принимает решение о поступке, которое принципиально невыводимо из знания или чего-то иного: он не есть опосредование, не есть связь, но чистая идея изначальности. У человека как ἀρχή не может быть качественных определений, как невозможен и описывающий взгляд на него: человек как ἀρχή есть тот самый, кто смотрит на мир, кто поступает. Понятие ἀρχή не может исчезнуть из философии, так как само является ее неустранимым началом, но оно находило выражение в иных, как бы специализированных понятиях: в этике – это понятие морального субъекта.

Человек – ἀρχή поступка друга. Самодостаточность для античности – величайшая ценность. Аристотель доводит это отношение до значимого, основополагающего теоретического понятия, своего рода аксиомы. Самодостаточность есть то, к чему стремится человек, полис, чем является поступок и созерцательный образ жизни. Аристотель пишет: «Понятие самодостаточности мы применяем не к одному человеку, ведущему одинокую жизнь, но к человеку вместе с родителями и детьми, женой и вообще всеми близкими и согражданами, поскольку человек – по природе [существо] общественное» (EN 1097в 10). Действительно, человек не мыслится Аристотелем в одиночестве, в той отдельности и уединенности в своей приватности, как начнут мыслить его позже. Но это не-одиночество есть не-одиночество особого рода, оно – лишь эмпирическая видимость бытия в единственности начала. Аристотель пишет: «“Возможно” то, что бывает благодаря нам, ведь [исполнение чего-то] благодаря друзьям и близким в известном смысле тоже зависит от нас, так как в нас ἀρχή [действия]» (EN 1112b 25). Это замечание перекликается с подобным суждением: «А можно предоставить другу и [прекрасные поступки], и даже прекрасней оказаться причиной [прекрасного поступка] для друга, нежели совершить его самому» (EN 1169a 34). О какой зависимости от нас идет речь, как быть αἰτία поступка друга? Эти утверждения кажутся несовместимыми с очевидной и доминирующей идеей Аристотеля, что человек стремится поступать сам, совершать благодеяние, но ни за что не быть его получателем. Но совмещение этих высказываний дает ключ к важнейшей

²¹ Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις Аристотель.

этической мысли. Быть αἰτία благодеяния друга не значит быть объектом этого благодеяния, которое для Аристотеля есть ущербное и избегаемое состояние. Остается только один выход: принять, что бытие началом осуществляется не в движении и речи в их эмпирической данности (это могут быть слова и действия другого), но в самом властвовании, господстве, принятии решения и ответственности за совершаемое во всей его неделимой и неограниченной полноте. Самодостаточность поступающего, добродетельного человека не нарушается тем, что действие и слово исполнены другом или членом семьи: их бытие есть бытие «господствующего в поступке». И это – важнейшая для философско-этического мышления идея: граница поступка дважды не может быть обнаружена эмпирически. Эмпирически невозможно выделить поступок из ряда действий, и слов, и мыслей человека, но его нельзя отделить эмпирически от действий и других людей – находятся ли они рядом или жили в другие эпохи. Последовательно помысленное ἀρχή может быть только единственным²² (как и моральный субъект), а значит, и единственным началом в отношении всего человеческого мира в его полноте: иначе он остается безначальным.

Единственность всегда центральна, но не в качестве извне просчитываемого центра: ἀρχή в этике не локализовано в пространстве, но задает принципиальную асимметрию как абсолютное «превосходство человека в поступке» (Аристотель), в котором он является архонтом, гегемоном, царем, принимающим решение (см.: EN 1113a 9).

Моральная философия – мышление того, кто есть ἀρχή. Начальные философы являются таковыми не только потому, что говорили о едином начале, и не только потому, что зачинали философию, но еще и потому, что делали это, полагая самого себя началом, единственным началом мира, всеобщего, единого, утверждая, что самости мира и меня соответствуют друг другу²³. Философ ищет самого себя и собственную мудрость, решает вопрос о бытии себя и своего: только этому мышлению со своего единственного и начального места может открыться идея *моего поступка*, а значит, и моей ответственности, то есть открыться этическое. У Аристотеля можно зафиксировать точку поворота взгляда, в которой он становится взглядом философа, в этике – это взгляд философа как добродетельного человека, как поступающего. Самые яркие примеры такого поворота – от видения Величавого другими людьми, чествующими его, к его собственному взгляду, для которого честь ничто и ничто не великое; или изменение направления взгляда в теории дружбы, когда от описания принятых большинством представлений Аристотель переходит к изначальности дружбы с самим собой. Моральная философия есть мышление того, кто возвел начало поступка и мира к самому себе как решающемуся поступать и мыслить, и только в этой оптике существуют понятия поступка, морального субъекта и самой морали.

²² Когда немецкая философия начала пытается помыслить их множественность ради утверждения основ толерантности (так видится немецкая философия начал в работе Pizer J. Toward of Radical Origin), не означает ли это отказ от идеи ἀρχή?

²³ См.: Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007. С. 381.

На свой особый манер центральная роль понятия ἀρχή в этике признается постмодернизмом, отрицающим центральное присутствие, утверждающим, что «центра нет, что его нельзя помыслить в форме налично сущего»²⁴. Но греза о полноте, о начале – и о себе как начале – составляет внутреннее напряжение, называемое этическим мышлением. И Ж. Деррида совершенно точен, когда говорит, что отвращение взора от начала есть попытка «встать по ту сторону человека и гуманизма»²⁵.

Понятие ἀρχή поступка несопоставимо и несоизмеримо с распространенными в современной этике понятиями намерения, мотива или желания и уж тем более не сводимо к ним: в нем человек стоит в великом властно-ответственном отношении к миру в его полноте и цельности, а философ остается в поле философии.

Литература

- Аристотель*. Большая этика / Пер. с древнегреч. Т.А. Миллер // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 295–374.
- Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–367.
- Аристотель*. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 54–293.
- Аристотель*. Эвдемова этика / Пер. с древнегреч. Т.В. Васильевой, Т.А. Миллер, М.А. Солоповой; изд. подг. М.А. Солопова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 408 с.
- Ахутин А.В.* Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 783 с.
- Гусейнов А.А.* Античная этика. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 288 с.
- Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. С. 352–368.
- Зубец О.П.* Что презирает и что превосходит добродетельный человек // *Этич. мысль / Ethical Thought*. 2016. Т. 16. № 2. С. 34–50.
- Лебедев А.В.* Архэ // *Античная философия. Энциклопедический словарь*. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 185–186.
- Ницше Ф.* Философия в трагическую эпоху Греции // *Своеволие философии / Сост. О.П. Зубец*. М.: ЯСК, 2019. С. 184–194.
- Хайдеггер М.* Гераклит / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2011. 512 с.
- Хайдеггер М.* О существе и понятии φύσις Аристотель, «Физика», В 1. URL: http://www.heidegger.ru/documents/tom9/o_suschestve_poniatia.doc (дата обращения: 16.02.2019).
- Bechler Z.* Aristotle's Theory of Actuality. New York: State University of New York Press, 1995. 269 p.
- Holt L.* Aristotle on the Αρχή of Practical Reasoning: Countering the Influence of Sub-Humeanism // *The Society for Ancient Greek Philosophy Newsletter*. 1995. Issue 194. URL: <https://orb.binghamton.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1193&context=sagp> (дата обращения: 16.02.2019).
- Irwin T.* Aristotle's First Principles. New York: Clarendon Press, 1988. 721 p.
- Moravcsik J.M.* Aitia as generative factor in Aristotle's philosophy // *Dialogue*. 1975. Vol. 14. Issue 4. P. 622–638.
- Pizper J.* Toward of Radical Origin: Essays on Modern German Thought. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995. 237 p.

²⁴ *Деррида Ж.* Структура, знак и игра. С. 355.

²⁵ Там же. С. 369.

On the Ethical Meaning of ἀρχή

Olga P. Zubets

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgazubets@mail.ru

The concept of ἀρχή is usually seen within ontological and epistemological context which prevents it from getting a theoretical conceptual status in ethics, particularly while reading Aristotle's ethical works. But it is the very notion that should be considered the most fundamental for the originating ethics: it forms the concept of an action and a special philosophical visual direction on the world. The article is not aimed at any exact historico-philosophical reconstruction of the term, but at consideration of ἀρχή as a fundamental ethical concept. It was formed by the search of yourself, of the possibility to act in one's own name, which is breaking the chain of causes and effects and cogitating the world from within it as totality, completeness and the One. Aristotle defines an act as done by the man who deliberately chooses, and chooses it for its own sake, so that the ἀρχή of action is carried back to himself to the extent that an acting man could be defined only as the ἀρχή of his action. The immanent character of the end and being in acting as its ἀρχή creates the space of morality out of any cause-effect relations and logic. A man being the ἀρχή of his act is in the dominating, ruling and responsible relation to the world in its totality and entirety. This is one of the first essential discoveries of ethics, given by philosophical vision from within the action.

Keywords: ἀρχή, ethics, philosophy, action, man, Aristotle, "Nicomachean Ethics", cause, end, totality of the world

References

- Achutin, A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient Origins of Philosophy]. St-Petersburg: Nauka Publ., 2007. 783 pp. (In Russian)
- Aristotle. "Bolshaya etika" [Great Ethics], trans. by T.A. Miller, in: Aristotle. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vols.], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 295–374. (In Russian)
- Aristotle. *Jevdemova jetika* [Eudemean Ethics], trans. by T.V. Vasil'eva, T.A. Miller, M.A. Solopova, ed. by M.A. Solopova. Moscow: Kanon+ ROOI "Rehabilitation" Publ., 2011. 408 pp. (In Russian)
- Aristotle. "Metafizika" [Metaphysics], in: Aristotle. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 63–367. (In Russian)
- Aristotle. "Nikomakhova etika" [Nicomachean Ethics], trans. by N. Braginskaya, in: Aristotle. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Complete Works: in 4 vols.], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 53–293. (In Russian)
- Derrida, J. "Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk" [Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences], in: J. Derrida. *Pismo i razlichie* [Writing and Difference]. St-Petersburg: Academical Project Publ., 2000, pp. 352–368. (In Russian)
- Bechler, Z. *Aristotle's Theory of Actuality*. New York: State University of New York Press, 1995. 269 pp.
- Guseynov, A.A. *Antichnaya etika* [Ancient Ethics]. Moscow: Knizhnyi dom "Librokom" Publ., 2011. 288 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Geraklit* [Heraclitus], trans. by A.P. Shurbelev. St-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2011. 512 pp. (In Russian)

Heidegger, M. *O sushhestve i ponjatii Φύσις* [On the being and conception of φύσις in Aristotle's physics B, 1] [http://www.heidegger.ru/documents/tom9/o_suschestve_poniatia.doc, accessed on 16.02.2019]. (In Russian)

Holt, L. "Aristotle on the Αρχή of Practical Reasoning: Countering the Influence of Sub-Humeanism", *The Society for Ancient Greek Philosophy Newsletter*, 1995, Issue 194 [<https://orb.binghamton.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1193&context=sagp>, accessed on 16.02.2019].

Irwin, T. *Aristotle's First Principles*. New York: Clarendon Press, 1988. 721 pp.

Lebedev, A.V. "Arche" [Arche], in: *Ancient Philosophy. Encyclopedian Dictionary*. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2008, pp. 185–186. (In Russian)

Moravcsik, J.M. "Aitia as generative factor in Aristotle's philosophy", *Dialogue*, 1975, Vol. 14, Issue 4, pp. 622–638.

Nietzsche, F. "Filosofiya v tragicheskuyu epokhu gretsi" [Philosophy in the Tragic Age of the Greeks], in: *Self-willing Philosophy*, ed. O.P. Zubets. Moscow: LRC Publ., 2019, pp. 184–194. (In Russian)

Pizper, J. *Toward of Radical Origin: Essays on Modern German Thought*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995. 237 pp.

Zubets, O.P. "Chto preziraet i chto prevoskhodit dobrodetelnyi chelovek" [What the Virtuous Person Despises and Is Superior to], *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2016, Vol. 16, No. 2, pp. 34–50. (In Russian)